

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Ю. ФЕДОСЮК
Москва

Современный русский язык

«Русский язык очень трудный» – такие слова нередко можно услышать не от иностранцев, а от наших соотечественников, владеющих русским языком с детства и свободно на нем говорящих. Из-за широко распространенного недоразумения люди в подобных случаях обычно имеют в виду не сам язык, а либо сложность усвоения правил русской орфографии и пунктуации, либо трудности запоминания многочисленных классификаций языковых единиц. Между тем главным в школьном и вузовском изучении русского языка должно быть совсем не это, а рассмотрение языка как системы, располагающей богатым арсеналом средств для максимально точной передачи того содержания, которое соответствует замыслу автора¹. Попытка именно такого описания была предпринята коллективом авторов учебника русского языка под редакцией Л. Р. Дускаевой. Этот учебник предназначен для студентов факультетов журналистики, однако, безусловно, он будет интересен не только им, но и будущим преподавателям, переводчикам, юрис-

там и всем тем, для кого язык является «орудием производства». Много полезного для работы найдут в нем и школьные и вузовские преподаватели русского языка.

В основе учебника лежит установка на описание русского языка не как набора формальных структур, а как совокупности различных «техник вербализации» передаваемого мыслительного содержания. Эта установка, безусловно, является плодотворным развитием идеи классика языкознания В. фон Гумбольдта, который писал: «Совокупность всех средств, которыми пользуется язык для достижения своих целей, можно назвать техникой языка и, в свою очередь, подразделить ее на фонетическую и интеллектуальную»².

Учебник включает вполне традиционные для вузовских учебных пособий по русскому языку разделы: «Основы фонетики», «Лексикология», «Грамматика», «Орфография» и «Пунктуация», однако по своему содержанию он во многом отличается от других учебников. Во-первых, авторы попытались описать русский язык с учетом всех последних достижений современной лингвистики. Во-вторых, большое внимание в книге уделено не формальным классификациям языковых единиц а анализу смыслообразующих возможностей. В-третьих, в качестве ил-

¹ См.: Милославский И. Г. О соотношении целей и содержания обучения русскому языку в школе // РЯШ. - 2006. - М> 3-6.

Учебник для вузов / Под ред. Л. Р. Дускаевой. - СПб.: Питер, 2014.

Федосюк Михаил Юрьевич, доктор филол. наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

² Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. - С. 99.

люстративного материала авторы использовали в основном примеры из текстов современных средств массовой информации. Наконец, в-четвертых, изложение теоретического материала нередко сопровождается практическими рекомендациями для говорящих и пишущих.

Проиллюстрируем сказанное. Знакомясь с разделом «Лексикология», читатели получают возможность узнать, что с точки зрения современного языкознания в содержании слова принято разграничивать «содержащуюся в значении слова информацию о внеязыковой действительности, о реальном или воображаемом предмете получающем обозначение», или денотат - «конкретный предмет номинации», или референт, и, наконец, «отражение в значении слова свойств и признаков класса предметов в виде понятия», или сигнификат (см. с. 60-61). А также следует пример:

Синонимичные слова *каприз*, *прихоть* и *причуда* указывают на общий денотат - *блаль*, но их сигнификаты - свойства - различны. Ср.: каприз - 'необоснованное желание': *А выбрать есть из чего, здесь любой каприз за ваши деньги* (Коме, правда. 2011.3 апр.). Прихоть - 'вздорное желание, надуманная потребность': *Но изучение истории климата — это пока лишь прихоть «чудаков»* (Коме, правда. 2010. 10 апр.). Причуда - 'странное чудачество': *Но американцы просто не любят все яйца в одной корзине носить — такая национальная причуда* (Изв. 2009. 28 авг.)» (с. 61).

А вот пример из раздела «Словообразование»:

Словотворчество - один из инструментов социальной оценки и языковой игры в речевой деятельности журналистов, пиар-специалистов и рекламистов. Если 100 лет назад слова, построенные по словообразовательной модели «имя собственное -* глагол» (например, «чингисханить», «моцартить» в творчестве Велимира Хлебникова), удивляли читателей своей необычностью, то в современных медиатекстах эта модель очень активна. Журналисты легко образуют

глаголы от имен и фамилий известных людей, ср.: *бушевать*, *отбушеваться*, *поБУШевать*, *ГОРячиться* (примеры относятся ко времени президентских выборов в США в 2000 г.); *Обобамилась* (Изв. 2008. 4 авг.)» (с. 169).

Закономерен вопрос: а уместны ли в учебнике русского языка примеры, почерпнутые не из классических художественных текстов, а из повседневных СМИ? То обстоятельство, что в ряде случаев подобные примеры выступают не только как иллюстрации, но и как повод для анализа допущенных журналистами ошибок и последующего обсуждения путей их исправления, на наш взгляд, позволяет ответить на этот вопрос положительно.

В ограниченных рамках рецензия остановимся несколько более подробно на разделе «Синтаксис», написанном Т. В. Шмелевой. Этот раздел представляется одним из самых интересных, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, именно на синтаксическом уровне единицы различных уровней языковой системы соединяются для передачи сообщений. Во-вторых, автору удалось выявить целый ряд важных содержательных особенностей тех синтаксических единиц, которые раньше описывались по преимуществу формально.

Так, любому школьнику должна быть известна классификация вводных слов, поскольку на письме эти слова следует выделять запятыми. Однако зачем языку нужны вводные слова и можно ли написать текст, не прибегая к их помощи? Ответ на этот вопрос мы находим в тех параграфах синтаксического раздела учебника, где говорится о семантическом аспекте предложения. В них сообщается, что с точки зрения современной лингвистики план содержания любого предложения содержит, с одной стороны, информацию о действительности, которая именуется диктумом, а с другой - сведения об отношении автора этого предложения к различным аспектам его содержания и формы, ко-

торые составляют модус. При этом, если диктум в предложении непременно должен быть выражен явно, то модус во многих случаях может лишь подразумеваться. К примеру, если источником информации является сам автор, он может не прибегать ни к каким модусным показателям. «А вот чужая информация, - читаем мы далее, - получает показатели разной степени содержательности. Так, показатели *мол, дескать* информируют только о том, что автор пересказывает чьи-то данные или мнения, а более развернутые показатели типа *как отметил президент, как утверждают эксперты, по мнению того-то* детализируют этот модусный смысл вплоть до указания на конкретную персону, которой автор обязан содержанием своего высказывания» (с. 264). Аналогичным образом обстоит дело и с показателями уверенности автора в достоверности сообщения. Отсутствие подобных показателей является сигналом такой достоверности; если же автор не уверен в истинности своего сообщения, он прибегает к таким вводным словам, как *по-моему, видимо, наверное*.

Параграфы, посвященные диктуму, содержат ответ на другой важный вопрос, который вполне может возникнуть у школьников и студентов. Это вопрос о том, зачем языку нужны осложненные и сложные предложения.

Как показано в учебнике, важным компонентом диктума является пропозиция, т.е. обозначение элементарной ситуации. Пропозиция может быть выражена как при помощи отдельного предложения, так и посредством тех или иных несамостоятельных компонентов предложения. Выбирая определенный способ обозначения пропозиции, автор тем самым передает своим адресатам информацию о ее коммуникативном весе, т.е. о

той степени значимости в сообщении, которую он придает данной пропозиции.

Проиллюстрируем шкалу коммуникативных весов пропозиций на примере пропозиции «Эксперт приехал в город» (для экономии места здесь мы опираемся не на иллюстрации из учебника, а на более компактные примеры из статьи того же автора³; единицы, выражающие рассматриваемую пропозицию, выделены в этих примерах полужирным шрифтом):

1) максимальный коммуникативный вес пропозиции - самостоятельное предложение (***Эксперт приехал в город***)

2) более низкий коммуникативный вес - часть сложносочиненного предложения или главная часть сложноподчиненного предложения (***Эксперт приехал в город**, и ситуация изменилась; **Эксперт приехал в город**, когда было уже поздно*).

Далее по степени убывания коммуникативного веса выражаемой пропозиции следуют:

3) придаточная часть сложноподчиненного предложения (***Когда эксперт приехал в город**, уже ничего нельзя было изменить*);

4) «полупредикативная» единица - деепричастный, причастный или инфинитивный оборот (***Приехав в город**, эксперт сразу же включился в обсуждение ситуации; **Эксперт, приехавший в город**, сразу же включился в обсуждение ситуации; **Чрезвычайные обстоятельства заставили эксперта приехать в город***),

(5) второстепенный член простого предложения (***Приезд эксперта в город** позволил ему сразу же включиться в обсуждение ситуации; **После приезда эксперта в город** началось обсуждение ситуации*).

(6) невыраженная, но подразумеваемая пропозиция (*Все ждали эксперта, но встретиться с ним никому не удалось*).

Не менее интересный компонент раздела «Синтаксис» - часть, посвящен-

³ См.: Шмелева Т. В. Коммуникативный вес пропозиции // Вестник Московского университета. Ср. 9. Филология. - 2013. - № 5.

ная грамматике текста. Вместо простого перечисления формальных способов выражения межфразовых связей, которые обычно встречаются в подобных разделах, учебник предлагает, безусловно, важные как для создания, так и для восприятия текстов понятия «тематическая основа» и «рематический сюжет». Ср.: «Тематическая основа текста представляет собой особую нить, которую составляют темы высказываний <...> ее мы прочитываем отдельно, вычитываем, когда нам нужно узнать, о чем незнакомый текст, и эта интуитивно выработанная техника чтения сложилась безотносительно к осведомленности о проблемах актуального членения» (с. 325). «Проследить рематический сюжет, - говорится в следующем параграфе, - значит понять, как информативно развивается текст, ведь в рамках заключается новая информация» (с. 329).

Говоря о критических замечаниях, которые вызывает учебник, следовало бы прежде всего отметить странность расположения раздела «Орфография». По непонятным причинам он помещен не рядом с разделом «Пунктуация», который также посвящен не системе

языка, а способам оформления письменной речи, а после раздела «Грамматика». В результате за пределами раздела «Грамматика» оказывается неотъемлемый компонент грамматической системы языка - синтаксис, который в нарушение логики оказывается оформленным как самостоятельный раздел.

Другое замечание, которое можно было бы высказать, состоит в том, что далеко не во всех разделах учебника в равной степени проявляется отход от традиционного, классифицирующего, подхода к языку и установка на его описание как системы техник вербализации мыслительного содержания. Однако это легко можно объяснить тем, что пока еще не все разделы науки о языке в одинаковой мере готовы к реализации такой установки.

В любом случае рецензируемый учебник можно оценить как книгу, которая, безусловно, будет полезна и интересна не только студентам факультетов журналистики. Она может не только значительно расширить и углубить представления читателей о русском языке, но и подсказать им направления работы над совершенствованием собственной устной и письменной речи.